

**“PSYCHIC POISONING” SYSTEM: ON “DRIVING TO MADNESS” MOTIVE
IN THE NOVEL BY A. R. BELYAEV “PROFESSOR DOWELL’S HEAD”**

Nazarov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
M. A. Bulgakov Museum, Moscow
nazarov.postbox@gmail.com

The article analyzes one of the motives of Alexander Romanovich Belyaev’s creative work – the motive of madness. The author considers the original interpretation of madness theme in the Soviet literature of the 1920-1930s by the example of the novel by A. R. Belyaev “Professor Dowell’s Head”: specificity of madman and madhouse image, motives of verification and simulation of mental illness, social-philosophical problem of establishing the border between sanity and madness. The special attention is paid to the motive of “driving to madness” as a complex (audial and visual) influence on characters’ mental health called “psychic poisoning”.

Key words and phrases: A. R. Belyaev; phenomenon of madness; madman image; madhouse image; driving to madness; isolation motive.

УДК 8; 821.161.1

Статья посвящена художественно-автобиографическому отрывку Н. Н. Страхова «Поездка на Кавказ», по идейно-тематическому содержанию близкому к произведениям о Кавказе русской классической литературы 1830-1840-х гг. Написание «Поездки» относится к раннему этапу творческой биографии Н. Н. Страхова, который до сих пор остается малоизученным. Также «Поездка» сопоставляется с реалистическими произведениями 1850-х гг., а именно с Военными рассказами Л. Н. Толстого.

Ключевые слова и фразы: русская литература XIX в.; Н. Н. Страхов; М. Ю. Лермонтов; Л. Н. Толстой; Кавказ; романтизм; реализм.

Сорокина Дарья Дмитриевна

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
Daria312@yandex.ru*

**«ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ» (1859) Н. Н. СТРАХОВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ ОТ РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ**

В сентябре 1859 г. после небольшого путешествия по Кавказу Н. Н. Страхов в письме к старшему брату Петру Николаевичу делился впечатлениями от недавней поездки и высказывал неопределенное намерение «что-нибудь напечатать» о своем путешествии: «Не стану тебе рассказывать о путешествии, – может быть я что-нибудь напечатая; но скажу только, что оно совершилось благополучнейшим образом; я видел места, которые стоило повидать и которых никогда не забуду. Горы, Тифлис, Пятигорск и пр. так хороши, что лучше не надо. Время прошло очень весело; я был все время здоров, только слегка болели у меня глаза. В Петербург я вернулся освеженный и ободренный» (письмо от 17 сентября 1859 г.) [2].

«Поездка на Кавказ» (художественно-автобиографическое произведение, начатое Страховым в середине 1859 г., но так и оставшееся незавершенным) обозначила рубеж двух периодов в творческой биографии будущего критика. 1859 г. наметил в творческой судьбе Страхова прямой переход от писательских опытов к литературно-критической и публицистической деятельности.

Рукопись «Поездки», датированная автором 1859 г., хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского в Киеве (ИР НБУ). Она представляет собой две начальные главы произведения, которое, по всей видимости, начинающий литератор задумывал написать в жанре путешествия.

Следует особо отметить, что, работая над «Поездкой», Страхов сознательно ориентировался на литературные традиции сентиментализма и переходной эпохи от романтизма к реализму. Это, в частности, подтверждается обращением Страхова к двум значимым произведениям разных эпох русской литературы – «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова в качестве образцов при создании собственного сочинения. Это позволяет говорить о попытке объединения в одном произведении двух важных тем русской литературы: темы путешествия и темы Кавказа.

Тема Кавказа была чрезвычайно популярна в русской литературе в 20-х – 50-х гг. XIX в. Интерес Страхова к этой теме был во многом обусловлен тенденциями, которые наблюдались в русской литературе в середине столетия.

Начало кавказской теме положил А.С. Пушкин своей первой южной поэмой «Кавказский пленник», опубликованной в 1822 г.

Кавказ был вписан Пушкиным в структуру романтического мировосприятия как некий образ, нерасторжимо соединяющий в себе географические черты (манящий своей загадочностью дикий, неизведанный и вольный край) с тематикой и проблематикой новых по содержанию произведений.

Страхов воспринял созданную Пушкиным в южных поэмах и поддержанную писателями 30-х – 40-х гг. романтическую модель действительности.

Подобно своим современникам, Страхов поэтизировал Кавказ. Однако важно учитывать, что представление Страхова о Кавказе было связано не столько с литературной традицией романтизма, сколько с переходной эпохой от романтизма к реализму. Печатавшиеся в разные годы в толстых журналах повести, рассказы, очерки, воспоминания, поэмы и стихотворения о Кавказе стали в своей совокупности частью панорамы жизни России XIX века.

Произведения 1820-х – 40-х гг. о Кавказе были далеки от жизни, однако запечатленные в них образы горцев, картины из кавказской жизни прочно вошли в сознание современников. Как край отваги и свободы воспринимался Кавказ русскими читателями.

В глазах людей середины XIX столетия Кавказ был местом, где в полной силе проявлялся героизм. Туда стремились молодые люди, мечтавшие испытать себя в настоящем деле, обрести славу и удостоиться заслуженных наград.

Согласно сюжетным штампам романтизма на Кавказе обязательно должен был разворачиваться увлекательный любовный сюжет. Вполне естественно, что по приезду в Пятигорск главный герой и рассказчик «Поездки» делает следующее замечание: «Вы здесь увидите кучу Печориных и Грушницких, увидите гулянья по бульвару, сиденье на лавочках и при этом те же умственные и сердечные занятия, то есть пересуды, волокитство и – неизбежное следствие – услышите об дуэлях» [1].

Между тем в действительности Кавказ в 1820-х – 40-х гг. был местом ссылки. В действующей армии несли службу осужденные представители передовой интеллигенции, среди которых были и известные писатели своего времени, сыгравшие огромную роль в романтизации Кавказа.

Работая над кавказской темой, Страхов учитывал опыт предшествующих писателей, и в первую очередь опирался на творчество М. Ю. Лермонтова. При этом важно отметить, что роман «Герой нашего времени», к которому Страхов настойчиво обращался в своих автобиографических произведениях начиная с конца 1840-х гг., имел для молодого литератора исключительное значение.

Думается, принципиально важным для Страхова в «Герое нашего времени» было то, что в своем романе Лермонтов начал постепенно отходить от романтических приемов: сквозь романтические образы горцев уже проступают реалистические черты.

Чувствуя веяния и движения своего времени, Страхов уловил смену общей литературной тенденции в самом ее зарождении: эпоха реалистического восприятия Кавказа стремительно теснила субъективно-идеализированные представления романтиков.

Молодой автор преклонялся перед художественными достоинствами «Героя нашего времени», о чем говорят частые цитирования из романа. Страхов видел в Лермонтове истинного знатока Кавказа и обращался к его произведению как к эталонному справочному источнику для проверки и сверки своих наблюдений: «Если вы желаете узнать Пятигорск в физическом, эстетическом, нравственном и других отношениях – читайте “Героя нашего времени”. В этой книге он изображен до того верно, что иногда я удивляюсь, как не стыдно жителю Пятигорска существовать на поверхности земли, как не стыдно им ходить, действовать, чувствовать точь-в-точь как это сказано в вышеупомянутой книге» [Там же].

И хотя подчас выводы Страхова-наблюдателя расходятся, а иногда прямо противопоставляются лермонтовским, все же авторитет Лермонтова для Страхова несомненен.

Страхов сравнивает свое восприятие Кавказа с восприятием Кавказа Лермонтовым: «Был ясный день и однообразная красота степи с пятью горами на горизонте сияла вокруг как в полном блеске. Спрашиваем: часто ли бывает такой страшный ветер в Пятигорске? Говорят – почти каждый день. Странно, что об этом ничего не говорит Лермонтов; он не упоминает также о серном запахе, который слышен особенно ночью, когда спускают горячие ключи. <...> Несмотря на то, описания Лермонтова удивительно верны, только поверять их нужно в поэтические дни, когда “тихо все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы”. Один из таких дней выпал на нашу долю, “я не помню утра более голубого и свежего!” Этим утром мы на ослах взбирались на Машук и действительно чувствовали могучую прелесть природы, которая так слышна в “Герое нашего времени”» [Там же].

Очевиден контраст в восприятии природы Кавказа у Страхова и Лермонтова. В романе Лермонтова природа подчеркнута спокойна, что, как выяснил Страхов, было вовсе не свойственно этому краю. Но Лермонтов наделял природу Кавказа спокойствием с художественной целью: природа задает высокий поэтический тон повествованию, и на фоне величественного спокойствия природы наиболее полно раскрываются смятение и душевные волнения героев. У Страхова же находим документальную запись, слегка оттененную поэтическими штрихами.

Между тем в 1850-х гг. в обществе уже чувствовались новые веяния, происходила переоценка идейного наследия предшествующей эпохи: все романтическое стало казаться устаревшим.

Русская литература претерпевала изменения в содержательной форме, которые отражали новую историческую ситуацию в стране, а также социально-политические и духовно-нравственные перемены в обществе. Менялся, усложнялся и углублялся характер реалистического метода. Русский реализм выходил на новый этап своего развития.

Так, в начале 1850-х гг. уже вызревало другое видение Кавказа. И в этом была гениальная заслуга Л. Н. Толстого.

Толстой был первым, кто в своих произведениях резко изменил представление о Кавказе. В 1853 г. в журнале «Современник» появляется первый Военный рассказ Толстого «Набег». Еще два рассказа «Записки маркера» и «Рубка леса» публикуются в 1855 г. в том же «Современнике».

Существенно доработанные «Набег» и «Рубка леса» наряду с Севастопольскими рассказами в 1856 г. вошли в состав изданного писателем сборника «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого».

«Военные рассказы» привлекли к себе пристальное внимание современников. Доброжелательные отзывы помещали в своих номерах ведущие журналы и газеты. Критики говорили о бесспорном и ярком таланте молодого автора, особо отмечая простоту и красоту художественной формы, а также безыскусственность сюжета толстовских рассказов.

По свидетельству И. И. Панаева, «Военные» и «Севастопольские рассказы» с жадностью читала вся Россия. В письме к Толстому от 18 июля 1855 г. он пишет: «Буквы Л. Н. Т. ждут все в журнале с страшным нетерпением» [4, с. 359].

Высокая оценка кавказских рассказов ярко отражена и в письме Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу. О рассказе «Рубка леса» Некрасов писал: «Знаешь ли, что это такое? Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), т.е. вещь, доньше небывалая в русской литературе. И как хорошо!» [Там же, с. 360].

Загадкой до сих пор остается тот факт, что в «Поездке» Страхов вовсе не упоминает новейшие реалистические произведения о Кавказе.

Не исключено, что ответ на этот вопрос надо искать в более давних и глубоко личных обстоятельствах жизни Страхова. Осенью 1850 г. он отправил в некрасовский «Современник» автобиографическую повесть «По утрам». Главная идея повести – показать путь духовно-нравственного восхождения главного героя.

В письме, приложенном к произведению, молодой литератор просил редактора журнала «смотреть на рукопись с высшей психологической точки зрения, как на проявление умственной и нравственной деятельности человека в данных обстоятельствах, в данный момент его жизни» [7, с. 359].

В статье «Повесть Н. Н. Страхова “По утрам”» исследователь наследия Толстого и Страхова М. И. Щербакова замечает, что Н. А. Некрасов, по-видимому, лишь бегло ознакомившись с присланной рукописью, от печатания повести отказался, мотивируя свое решение предсказуемым запретом цензуры. Таким образом, повесть «По утрам» так и не увидела свет.

Чуть менее чем через два года после этого события в биографии Страхова в «Современник» была отправлена рукопись «Детства», напечатанная в девятом номере журнала за подписью «Л.Н.».

«История моего детства» (именно с таким названием повесть появилась на страницах журнала) имела грандиозный успех и стала, как известно, блестящим литературным дебютом Л. Н. Толстого. Вслед за «Детством» вышли «Набег» и «Рубка леса», открывшие кавказскую тему в творчестве писателя.

Проблемно-тематический диапазон повестей Толстого был чрезвычайно близок тому, о чем хотел сказать Страхов. Ранние произведения Толстого заключали в себе несомненные художественные открытия как свидетельства его подлинной гениальности.

Сочинения Страхова, вне всякого сомнения, тоже обнаруживали способности начинающего автора к литературному труду. Недаром Некрасов, возвращая рукопись повести «По утрам», на титульном листе отметил: «В авторе есть талант, слог его также хорош. Манера довольно оригинальна» [Там же]. Но принципиально важно здесь то, что в ранних художественных опытах Страхова уже отчетливо обнаружился совсем иной, нежели молодой литератор сам в себе предполагал, дар – не художника слова, но еще не распознанный им самим (по причине молодости и неопытности) исключительный талант литературного критика.

Свидетельств о том, когда именно Страхов впервые прочитал «Военные рассказы» Толстого, не сохранилось. Но в 1866 г., уже активно занимаясь публицистической и литературно-критической деятельностью, Страхов опубликовал в декабрьских книжках «Отечественных записок» две статьи, посвященные сочинениям Л. Н. Толстого, под общим названием «Наша изящная словесность».

Много во второй статье было сказано и о «Военных рассказах».

Критик по достоинству высоко оценил значение ранних сочинений Толстого для русской словесности. О «Военных рассказах» Страхов отозвался как о книгах, «столь богатых поэзией и наблюдательностью» [3, с. 814]. Подчеркивая замечательную правдивость «мастерских повестей» Толстого, Страхов особо отмечал в них «неподкупную правду» в изображении жизни.

Высокую оценку рассказам «Набег» и «Рубка леса» Страхов повторит в поздних письмах к С. А. Толстой. Помогая Софье Андреевне в работе над подготовкой к изданию девятого собрания сочинений Л. Н. Толстого в тринадцати томах, Страхов, высылая правки «Набега» и «Казак», особо отмечал «удивительную серьезность писания» молодого Толстого (письмо от 19 декабря 1892 г.) [6, с. 258]. А о «Рубке леса» он скажет с восторгом: «Но как я восхищаюсь этим текстом! Напишу потом свои новые впечатления Льву Николаевичу, да и теперь меня постоянно подмывает писать ему о том, какие несравненные качества я открываю в его писаниях» (письмо от 26 декабря 1892 г.) [Там же, с. 259].

В заключение подчеркнем, что «Поездка на Кавказ», написанная в эпоху стремительного развития реализма, по идейно-тематическому наполнению близка к литературе переходной эпохи от романтизма к реализму. Иными словами, такие произведения, как «Поездка на Кавказ» Страхова и «Военные рассказы» Толстого, отстоят друг от друга на целую литературную эпоху.

Возможно, уже тогда, в конце 1850-х – начале 1860-х гг., решение об отказе от писательского поприща и об окончательном переходе к литературной критике и публицистике было продиктовано Страхову строгим суждением о самом себе, которое он через четырнадцать лет сформулировал в письме к Л. Н. Толстому: «Не имея почти вовсе творчества, я имею очень большую способность понимания» (письмо от 26 ноября 1873 г.) [5, с. 134].

Список литературы

1. **Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского** (ИР НБУ). Киев. Ф. I. Ед. хр. № 5267.
2. **ИР НБУ**. Киев. Ф. III. Ед. хр. № 19131.
3. **Страхов Н. Н.** Наша изящная словесность. «1805 г.». Соч. гр. Л. Н. Толстого. Ч. 2 // Отечественные записки. 1866. Декабрь. Кн. 2. С. 796-814.
4. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 100-а т. Художественные произведения: в 18-ти т. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2002. Т. 2. 599 с.
5. **Толстой Л. Н., Страхов Н. Н.** Полное собрание переписки: в 2-х т. / Славянская исследовательская группа при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого. Оттава, 2003. Т. 1. 488 с.
6. **Толстой Л. Н., Толстая С. А.** Переписка с Н. Н. Страховым / Славянская исследовательская группа при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого. Оттава, 2000. 308 с.
7. **Щербакова М. И.** Повесть Н. Н. Страхова «По утрам» // Толстой и о Толстом / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М., 2010. Вып. 4. Материалы к комментариям. С. 359-367.

**“TRIP TO THE CAUCASUS” (1859) BY N. N. STRAKHOV AS A REPRESENTATION
OF THE TRANSITION PERIOD FROM ROMANTICISM TO REALISM**

Sorokina Dar'ya Dmitrievna

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Daria312@yandex.ru

The article is devoted to the artistic-autobiographical fragment by N. Strakhov “Trip to the Caucasus” that is in its ideological and thematic content close to the works about the Caucasus of the Russian classical literature of the 1830-1840s. Writing of the “Trip” refers to an early stage of creative biography of N. Strakhov, who is still little-known. The “Trip” is also compared to the realistic works of the 1850s, namely with L. Tolstoy’s War stories.

Key words and phrases: the Russian literature of the XIX century; N. Strakhov; M. Lermontov; L. Tolstoy; the Caucasus; romanticism; realism.

УДК 8; 82

В статье рассматриваются идейные споры героев романа «Анна Каренина» в свете концептологического наследия спора западников и славянофилов. Сделаны выводы о значении проблемы «Россия и Запад» для оформления философского сюжета романа, об особенностях оценки Толстым славянофильской идеологии в идейной структуре «Анны Карениной».

Ключевые слова и фразы: западники; западничество; славянофилы; славянофильство; Л. Н. Толстой; идеи; споры; роман «Анна Каренина».

Шенол Али Осман

*Московский государственный областной университет
aosman2811@gmail.com*

**ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ИДЕЙНЫХ СПОРАХ
ГЕРОЕВ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»**

Центральной линией философского сюжета в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» становится осознание героями смысла жизни. Причем все значимые для выражения авторской мысли персонажи заняты этим поиском; персонажи, ведущие бездумное существование, потому и остаются на периферии романного мира, что не способны к самосознанию, к прохождению духовного пути. Идейная структура романа Толстого предстает как взаимодействие индивидуальной внутренней работы центральных героев, с одной стороны, и, с другой, – изображение столкновений-споров как с другими героями-антагонистами, так и с второстепенными персонажами, представляющими бездумное существование общества в целом. Споры эти способствуют динамизации идейного сюжета романа и в то же время вписывают «Анну Каренину» в контекст эпохи, придают ситуациям романа значение исторического свидетельства.

Предметом наблюдений в данной статье будет осмысление толстовскими героями проблемы смысла жизни в свете идейного спора западников и славянофилов, отголоски которого были актуальны для передового микроклимата всей второй половины XIX столетия, хотя сам спор, казалось бы, к этому времени остался уже в прошлом.

Полемика относительно роли и места России в процессе развития мировой цивилизации, в истории мировой культуры велась на протяжении длительного времени. Споры стали более масштабными во второй половине XIX века, соответственно, этот факт свидетельствует о пробуждении национального самосознания. Как результат этого пробуждения, русская общественная мысль раскололась на два идейных течения: западничество и славянофильство. Западники и славянофилы рассматривали идентичный круг вопросов, однако с противоположных позиций. Сторонники западничества утверждали, что человеческая цивилизация является целостной,